Вениамин Дель Верес

Асфальтовые руны

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Вениамин Дель Верес

Асфальтовые руны

«Автор»
2026

Дель Верес В.

Асфальтовые руны / В. Дель Верес — «Автор», 2026

Древние руны скрыты не в музеях, а под городским асфальтом. Случайная находка пробуждает древнее и забытое зло. Герою предстоит раскрыть мистические тайны мегаполиса и выжить в теневой войне магов.

© Дель Верес В., 2026
© Автор, 2026

Вениамин Дель Верес
Асфальтовые руны

ПРОЛОГ

Город не спит.

Это — первое, что нужно понять. Город вообще не умеет спать. Он только притворяется — когда гаснут окна, когда стихают гудки, когда последние маршрутки уходят в парки. На самом деле он просто меняет дыхание. Становится тише. Глубже. Тяжелее.

Ночью город дышит асфальтом.

Если приложить ухо к дороге — по-настоящему приложить, щекой, виском, всей головой — можно услышать, как он пульсирует. Не моторами вдалеке. Не метро где-то глубоко. А чем-то другим. Ровным. Медленным. Как сердце огромного, уставшего зверя, который лежит на боку и делает вид, что дремлет.

Обычные люди этого не слышат.

Они спят в своих квартирах на четвёртых-пятых этажах, под тёплыми одеялами, с закрытыми окнами. Им снятся сны — про работу, про любовь, про деньги, про то, что забыли выключить утюг. Они просыпаются утром, пьют кофе, садятся в машины и едут по делам. Они едут по асфальту. По тому самому, который ночью дышал. И не знают, что под колёсами их «Тойот» и «Лад» — не просто щебень и битум.

А швы.

Миллионы швов. Белые, жёлтые, красные. Разметка — так они думают. Полосы, которые рисуют раз в год, когда краска стирается. Полосы, которые отделяют одну полосу от другой, обочину от проезжей части, пешехода от машины.

Но разметка — это только верхний слой. Как кожа на теле. Под ней — мышцы. Под мышцами — кости. Под костями — то, что держит всё это вместе.

Руны.

Древние, тяжёлые, нарисованные не краской, а чем-то другим. Чем-то, что пахнет пеплом и грозой. Чем-то, что светится, если знать, как смотреть. Чем-то, что держит город — не даёт ему провалиться. В себя. В то, что под ним. В Бездну.

Бездна тоже не спит.

Она живёт под асфальтом. Под щебнем. Под песчаной подушкой. Под глиной. Под корнями, которые давно сгнили. Под трубами, которые давно проржавели. Она живёт там, где кончается город. Где кончается свет. Где кончается всё, что люди понимают.

И она — голодна.

Всегда голодна. Она не помнит, когда ела в последний раз. Может быть, никогда. Может быть, вчера. Она просто — хочет. Тянет. Дышит в щели. Пробует швы на вкус. Ищет, где тоньше. Где слабее. Где — вот-вот.

И находит.

Каждую ночь. В разных местах. На объездной. Во дворе пятиэтажки. На парковке у супермаркета. На мосту, который построили в семидесятом и с тех пор ни разу нормально не ремонтировали. Где-то трескается шов. Где-то истончается руна. Где-то — просто появляется яма.

Обычная яма.

Водитель ругается, объезжает. Диспетчер пишет заявку. Бригада получает наряд. КАМАЗ с гудроном едет на объект. Прораб спрыгивает с подножки, смотрит в яму, матерится, достаёт сигарету.

Обычная ночь.

Обычная работа.

Только прораб — не обычный. Только яма — не обычная. Только гудрон в чугунном термосе — не тот, что продают на базе за копейки по накладной.

И когда прораб плещет этот гудрон в яму — яма не просто закрывается.

Она — зашивается.

Как рана. Как порез на коже. Как трещина на стекле, которую кто-то аккуратно, слой за слоем, заполняет чем-то тёмным, тяжёлым, живым. И шов — держит. Ещё на день. Ещё на неделю. Может быть, на месяц.

Пока не начнёт рваться снова.

Потому что Бездна — терпеливая. Она не торопится. У неё в запасе — вечность. А у прораба — одна смена. Одна ночь. Одна жизнь.

И этого — никогда не хватает.

Но кто-то же должен держать.

Кто-то должен выходить в три часа ночи, когда ноябрьский ветер кусает сквозь три слоя спецовки, когда кофе на вкус как жжёная резина, когда до конца смены — ещё четыре часа, а яма — без дна.

Кто-то должен спускаться вниз. С молотком. С варом. С тихим словом, которое не похоже ни на один человеческий язык.

Кто-то должен бить. Слой за слоем. Удар за ударом. Пока шов не сожмётся. Пока руна не зажжётся. Пока город — не сможет снова дышать ровно.

А утром — кто-то должен сесть в машину и поехать по этому самому асфальту. И не знать. Не помнить. Не видеть, как под колёсами его машины — светятся белые линии. Тускло. Ровно. Живыми.

Потому что кто-то — держит.

Кто-то — чинит швы.

Кто-то — не спит, чтобы другие могли спать.

Его зовут по-разному. Прораб. Дорожник. Мастер участка. В сводках он — «Соловьёв Г. П., ДЭУ-13». В заявках — «устранение локальных деформаций покрытия». В разговорах бригады — «Глебыч».

А ночью — он просто тот, кто стоит у ямы с молотком в руке и знает, что если он не ударит — город провалится.

И он ударит.

Снова.

И снова.

И снова.

Потому что это — его работа.

А работа — не кончается.

Никогда.

Первое ноября. Ноль часов сорок семь минут. Объездная дорога Северо-Западной промзоны. Ноль градусов, мелкий дождь, видимость — сто метров.

На тридцать седьмом километре, между поворотом на нефтебазу и съездом на старую промзону, в правой полосе — яма.

Глубина — метр двадцать. Диаметр — два метра. Края — рваные. Дна — не видно.

Из ямы тянет холодом.

Из ямы пахнет озоном.

Из ямы — кто-то смотрит.

На подъезде — КАМАЗ. Жёлтый, грязный, с надписью «ДЭУ-13» на борту, которая давно не читается.

За рулём — он.

Смена начинается.

Глава 1. Шов

Ноябрьский ветер на объездной дороге не просто дул — он кусал. Он пробирался сквозь три слоя спецовки, находил брешь в шарфе и ледяными пальцами щупал позвоночник. Небо над промзоной Северо-Запада было низким, свинцовым, без звезд. Где-то вдалеке мигали огни нефтебазы, красные, как глаза хищника, и гудели трубы ТЭЦ, выплевывая в ночь столбы пара.

Глеб Петрович стоял у борта КАМАЗа, сжимая в руке алюминиевую кружку с остывающим кофе. Кофе был отвратительным: вкус у него был как у разведенной в кипятке жженой резины, но в три часа ночи на пустой промзоне это был единственный доступный источник тепла. Он сделал глоток, поморщился и посмотрел на часы. Три двадцать три. До конца смены еще четыре часа. Четыре часа этой сраной грязи, холода и бессонницы.

Под ногами гудела объездная. Редкие фуры проносились мимо, сотрясая землю, их фары выхватывали из темноты куски разбитого асфальта, рваные края обочины, покосившиеся знаки. Город спал, но дороги не спали никогда. Они жили своей жизнью — трескались, проседали, умирали и снова оживали под колесами. Глеб знал это лучше, чем кто-либо. Он работал на дорогах двадцать лет. Сначала обычным рабочим, потом бригадиром, теперь — прорабом ночной смены ДЭУ-13.

— Чё, прораб, долго ещё? — донеслось из ямы.

Глеб лениво перевел взгляд вниз. В свете галогенных прожекторов, установленных на треногах, яма выглядела не просто как выбоина. Она была неправильной. Края асфальта не осыпались, как это бывает от старости и тяжелых фур, а будто разошлись в стороны, словно разрезанные ножом. Асфальт здесь был темнее, чем вокруг, почти черный, без обычной серой пыли. И от него тянуло холодом.

В яме возился Димон — молодой асфальтоукладчик, который попал в бригаду по блату и за два месяца научился только одному: громко жаловаться. Ему было двадцать три, он носил модную стрижку, которая сейчас была вся в пыли, и постоянно матерился. Рядом, опираясь на лопату, курил Саныч. Санычу было за пятьдесят, он работал в ДЭУ еще со времен, когда город назывался иначе, и всегда молчал. Его лицо было как карта местности — морщины, шрамы, пятна от мазута, въевшиеся так глубоко, что уже не отмывались.

— Кирку давай, Димон, а не язык чесать, — буркнул Глеб, сплевывая на обочину. — Глубина какая?

— Да тут… — Димон ударил киркой по дну. Звук получился не глухим, как должно быть при ударе о грунт, а звонким, пустотелым, как будто он стучал по пустой бочке. Парень вздрогнул и отступил на шаг, споткнувшись о кучу щебня. — Глеб Петрович, тут дна нету. Я метр полтора, наверное. А может и два. И чё-то холодно от неё. Как из морозилки.

Глеб спрыгнул с подножки КАМАЗа. Его ботинки с тяжелой металлической накладкой глухо стукнули об уцелевший асфальт. Он подошел к краю, присел на корточки и посмотрел вниз.

Димон был прав. От ямы тянуло не просто сыростью и запахом прелой земли. От нее тянуло холодом. Таким, каким дует из открытой морозильной камеры на мясокомбинате. На краях выбоины, там, где горячий битум еще час назад плавился, теперь белел тонкий слой изморози. Глеб провел рукой над ямой. Воздух здесь был тяжелым, плотным, и от него пахло озоном. И еще чем-то. Медным. Сладковатым. Как кровь на старой ржавой трубе.

Но хуже было другое. Глеб прищурился, фокусируя взгляд не на самой яме, а сквозь нее.

Обычный человек увидел бы просто дыру в дорожном покрытии. Глеб видел швы.

Прямая, идеально ровная белая полоса дорожной разметки, уходящая вдаль по обочине, в этом месте начинала дрожать. Она выглядела не как нарисованная краска, а как туго натянутая светящаяся нить. И эта нить прямо сейчас, на его глазах, истончалась, расслаивалась на микроскопические волоски, готовые вот-вот лопнуть.

Глеб знал, что это значит. Где-то там, под асфальтом, под слоем щебня и песка, под бетонными плитами, рвалась ткань реальности. Белая разметка — это не просто краска. Это руна. Защита. И сейчас она трещала по швам.

— Саныч, — тихо сказал Глеб, не вставая. — Забери Димона. Пусть идет к будке, чай заварит. И конусы расставит подальше. Метров на пятьдесят.

Саныч не переспросил. Он лишь затянулся сигаретой, красная точка в темноте ярко вспыхнула. Старик посмотрел на иней на краях ямы, потом на Глеба. В его глазах не было страха, только бесконечная, въевшаяся усталость.

— Сильно рвет? — так же тихо спросил Саныч.

— Тонкая нить. Но тянет, — Глеб провел рукой по лицу, чувствуя, как холодеют пальцы. — Иди. Я сам.

Саныч кивнул, вытащил Димона из ямы за шиворот куртки (тот было начал возмущаться, но, посмотрев на лицо прораба, осекся) и пошел к светофорному фургону, расталкивая тяжелые оранжевые конусы. Димон что-то бормотал про холод и про то, что он не для этого учился в ПТУ, но Саныч просто толкнул его в спину, и тот замолчал.

Когда они отошли, Глеб встал и подошел к задней части КАМАЗа. Он не стал открывать обычный бункер с горячей битумно-минеральной смесью. Вместо этого он достал из-за пазухи тяжелый бронзовый ключ, отпер навесной замок на ржавом железном ящике, приваренном к раме машины.

Внутри, в толстом чугунном термосе, хранился «вар».

Глеб открыл крышку. Ударил густой, тяжелый запах. Пахло не просто плавящимся битумом. Пахло пеплом, железной окалиной и чем-то древним, похожим на запах грозового неба над высохшим морем. Вар был черным, но если смотреть под определенным углом, в его гуще переливались тусклые фиолетовые искры. Это была не просто смесь. Это была магия, замешанная на крови, пепле и секретах, которые Глеб унаследовал от своего наставника, Виктора Палыча. Палыч умер три месяца назад. Инфаркт, сказали врачи. Но Глеб видел, как старик умер. Он видел, как грудь Палыча почернела и затвердела, превратившись в асфальт.

Глеб достал короткую кочегарку, зачерпнул густую, тягучую массу. Она не стекала, а лениво ползла за железом, словно живая. Вар был горячим, но не обжигал — он был теплым, как тело.

Он вернулся к яме. Холод от нее бил уже так, что у Глеба заныли старые травмы в коленях. Из глубины донесся звук. Тихий, скребущий. Как будто по бетону вели длинным острым ногтем. Или когтем.

— Ну нет, — прошипел Глеб. — Не сегодня. Я домой хочу.

Он плеснул вар прямо в центр ямы.

Масса упала на дно с тяжелым, влажным шлепком. И тут же взвыла. Это был не звук плавящегося камня — это был визг, от которого заложило уши и заболели зубы. Вар закипел, выплескивая не пар, а черные, липкие языки дыма, которые тут же скручивались в подобие человеческих лиц, прежде чем развеяться.

Яма дернулась. Края асфальта хрустнули, поползши вниз. Белая нить разметки в глазах Глеба начала рваться.

— Держись, сука, — Глеб сплюнул, схватил тяжелую железную трамбовку.

Он спрыгнул в яму.

Холод обступил его мгновенно, пробивая спецовку, кожу, кости. В нос ударила такая концентрация озона, что во рту появился вкус крови. Дно под ногами было не твердым. Оно хлюпало, словно он стоял на болоте, затянутом тонкой коркой льда.

Из черной, хлюпающей грязи снизу потянулось что-то. Тонкое, бледное, похожее на пальцы. Оно обвилось вокруг подошвы его ботинка. Хватка была ледяной, мертвой, но пуга-

юще сильной. Глеб почувствовал, как холод начинает подниматься выше, по ноге, к паху. Если он не остановит это сейчас, через минуту его ноги не будет. Она станет частью ямы. Навсегда.

Глеб не стал дергать ногу. Он знал правила. Резкие движения — и шов лопнет окончательно.

Он перехватил трамбовку обеими руками, поднял ее над головой и с силой, вкладывая в удар весь свой вес, всю свою злость на бессонные ночи, на копеечные зарплаты, на этот проклятый город, который жрал своих жителей, ударил по бледным пальцам.

БАМ!

Звук был не как удар железа о землю. Это был звук удара гигантского молота по наковальне где-то в недрах земли. Бледные пальцы рассыпались черной пылью.

Глеб зачерпнул кочегаркой новую порцию вара, плеснул на дно, и снова ударил трамбовкой.

БАМ!

— Слой первый! — рявкнул он в пустоту, и его голос прозвучал не как крик человека, а как скрежет камня о камень. — Подстилающий!

БАМ!

— Слой второй! Верхний! Клиньями!

С каждым ударом вар впитывался в хлюпающее дно, заполняя собой пустоту. Черная масса шипела, сопротивлялась, пыталась выплеснуться обратно, но Глеб загонял ее внутрь, утрамбовывая, вбивая в саму ткань реальности. Белая нить разметки в его глазах, уже почти порвавшаяся, начала медленно срастаться, стягиваясь новыми черными стежками вара.

Последний удар. Глеб вложил в него все, что осталось. Трамбуя, он прошептал финальное, самое главное слово, которое не было похоже ни на один человеческий язык. Оно звучало как треск ломающейся кости.

Яма вздрогнула в последний раз. Холод отступил, резко, словно его и не было. Из глубины донесся тихий, разочарованный вздох, и черная хлябь под ногами Глеба внезапно стала твердой. Обычной. Каменной.

Глеб тяжело дышал, опираясь на трамбовку. Его руки дрожали. Он посмотрел вниз. Дно ямы было залито идеально ровным, черным, глянцевым варом. Он уже начинал остывать, покрываясь матовой пленкой.

Глеб выбрался наверх, бросил трамбовку в кузов и захлопнул тяжелую крышку чугунного термоса. Щелкнул замок.

Он достал из кармана пачку смятых сигарет, но передумал курить. Просто зажал фильтром в зубах, чтобы занять рот, и пошел к будке.

Саныч и Димон пили чай из термоса. Димон выглядел бледным, руки у него дрожали.

— Чё там было? — не выдержал парень, когда Глеб подошел. — Там… там как будто кто-то дышал. Я слышал. И холодно было. Как в морге.

— Ветер в трубах гуляет, — буднично ответил Глеб, забирая у Саныча кружку с чаем. — Ты что, в школе физику прогуливал? Аэродинамика, Димон.

Димон недоверчиво посмотрел на яму, потом на прораба, но спорить не стал. Он был молод и глуп, и ему хотелось верить, что это правда.

— Заделал? — спросил Саныч, глядя не на Глеба, а на дорогу.

Глеб обернулся. Яма исчезла. На ее месте было аккуратное, черное пятно заплатки. А белая полоса разметки на обочине уходила вдаль, ровная, непрерывная и тускло светящаяся в свете фар проезжающей вдалеке фуры. Шов держал.

— Заделал, — Глеб сделал глоток обжигающего, сладкого чая. — Прогревайте каток. Надо пройтись по шву. Пока не застыло.

Он посмотрел на свои руки. Они были в черной крошке, а на ладони, там, где он сжимал ручку трамбовки, кожа покраснела и вздулась мелкими волдырями. Ожог от вара. Завтра будет шрам. Послезавтра — еще один.

Глеб сжал ладонь в кулак, пряча боль. До конца смены оставалось еще четыре часа. А город спал, даже не подозревая, насколько тонок асфальт под его ногами.

Глава 2. Утренние новости

Глеб проснулся от того, что кто-то сверлил стену перфоратором.

Он лежал на спине, гляя в потолок с отслаивающимися обоями цвета выцветшей горчицы, и пытался понять, который час. Солнце сквозь дешевые шторы пробивалось скупо — ноябрьское, бледное, как лицо покойника. На тумбочке будильник показывал девять сорок семь. Вечер. Он проспал почти шесть часов.

Перфоратор замолк. Глеб закрыл глаза, надеясь, что сосед сверху наконец-то угомонится, но тут же раздался стук — громкий, наглый, в дверь.

— Глебыч! Ты жив там?

Глеб выругался про себя, сел на кровати, и тут же голова затрещала так, будто внутри неё кто-то разбил бетонный блок отбойным молотком. Он поморщился, потянулся к стакану воды на тумбочке, выпил залпом. Вода была теплой, с привкусом ржавчины из старых труб.

— Жив, — хрипло отозвался он. — Чё надо?

— Посылка тебе. Подпись нужна.

Глеб встал, и пол качнулся. Он постоял немного, держась за спинку кровати, пока мир перестал вращаться. Потом надел старые треники, футболку, натянул носки — один в серую полоску, другой просто серый, не парился — и пошлепал к двери в шлепанцах.

На пороге стоял курьер в оранжевой куртке с логотипом службы доставки. Молодой, с прыщавым лицом, он держал в руках небольшую картонную коробку и электронный терминал.

— Роспись, — сказал курьер, протягивая терминал.

Глеб расписался ногтем — палец на правой руке болел, и он старался не сжимать его. Курьер протянул коробку.

— Получите. Всего хорошего.

— Ага.

Дверь захлопнулась. Глеб посмотрел на коробку. На ней был наклеен штрих-код и адрес — его адрес. Отправитель — какой-то ИП «ДорСнабМикс». Он нахмурился. Он ничего не заказывал.

Глеб оторвал скотч ногтями, открыл коробку. Внутри, завернутый в пупырчатую пленку, лежал небольшой металлический цилиндр, похожий на гильзу от крупнокалиберного патрона. На боку была выгравирована руна — та самая, которую Палыч называл «печатью молчания». Глеб знал, что она значит: «Держи язык за зубами, пока не поймешь, что происходит».

Под цилиндром лежала записка, написанная корявым почерком Палыча:

«Глебыч. Если ты это читаешь, значит, я уже не у дел. Не ищи меня. Не ходи в ДЭУ. Не лезь в ямы. Они проснулись. Прости, что не сказал раньше. — В.П.»

Глеб перечитал записку три раза. Потом медленно опустил её на стол. Рука, та самая, с ожогом, начала дрожать. Он сжал её в кулак, пряча дрожь.

— Сука, — тихо сказал он. — Сука ты, Палыч.

Он сунул записку в карман треников, взял цилиндр и пошел на кухню. Поставил чайник, достал из шкафа банку с растворимым кофе, отсыпал две ложки в кружку. Пока чайник закипал, он смотрел в окно.

Двор был обычный. Детская площадка с ржавыми качелями, три машины — «Жигули» без колес, «Форд» с разбитым лобовым и «Лада» хозяйки из первой квартиры. На лавочке сидела бабушка Зина, соседка снизу, и кормила голубей. Она всегда кормила голубей. Даже

зимой. Глеб махнул ей, она кивнула в ответ, хотя вряд ли его увидела — зрение у неё было так себе.

Чайник свистнул. Глеб залил кофе, размешал, сел за стол. Включил телевизор — маленький, с диагональю дюймов двадцать, стоявший на подоконнике. Экран моргнул, показал помехи, потом появился логотип местного канала.

Дикторша с идеально уложенными волосами и мертвой улыбкой что-то говорила о повышении тарифов на ЖКХ. Глеб не слушал. Он смотрел на свою руку. Ожог выглядел плохо — волдыри собрались в один большой, кожа вокруг покраснела и воспалилась. Нужно было помазать чем-нибудь, но он забыл купить мазь. Да и денег особо не было — до зарплаты еще неделя.

— …и необычное происшествие на объездной дороге Северо-Западной промзоны, — вдруг сказала дикторша. — Сегодня ночью, около четырех утра, на месте дорожных работ произошло странное ДТП.

Глеб поднял голову.

На экране показали кадры, снятые с высоты — с квадрокоптера, наверное. Объездная, тот самый участок, где они работали. Но ямы не было. Вместо неё — ровное, черное пятно заплатки. А вокруг…

Вокруг было пусто. Ни машин, ни людей. Только асфальт.

— По предварительным данным, — продолжала дикторша, — водитель автомобиля «Мерседес» не справился с управлением и… исчез.

Глеб поперхнулся кофе.

— Исчез? — повторил он вслух, хотя дикторша его не слышала.

На экране показали интервью с каким-то мужчиной в форме сотрудника ГИБДД. Лицо у него было сосредоточенное, но в глазах читалось замешательство.

— Мы обнаружили только следы торможения, — говорил он. — Они идут от края дороги прямо к месту, где были дорожные работы. И обрываются. Машину мы не нашли. Водителя тоже. Никаких следов борьбы, никаких осколков. Просто… следы и всё.

— Вы можете предположить, что произошло? — спросил журналист за кадром.

Мужчина в форме пожал плечами.

— Честно говоря, нет. Мы проверяем версии. Возможно, он ушел пешком. Возможно, его подобрали. Но… следов нет. Ни его, ни машины. Как будто он испарился.

Глеб выключил телевизор.

Экран погас, и на кухне стало тихо. Только чайник на плите продолжал тихо свистеть — он забыл его выключить. Глеб встал, повернул ручку конфорки. Свист прекратился.

Он вернулся за стол, сел, посмотрел на свою руку. Ожог пульсировал, как будто внутри него билось маленькое сердце.

— Испарился, — повторил он. — Ну да. Конечно.

Он знал, что произошло. Яма, которую он заделал. Шов, который он закрыл. Он думал, что справился. Думал, что вар держит. Но что-то пошло не так. Что-то прорвалось. И этот водитель… он просто провалился. В ту самую яму. В ту самую пустоту, которую Глеб пытался закрыть.

— Сука, — сказал Глеб снова. — Сука ты, Палыч. Сука ты, я.

Он допил кофе, встал, пошел в ванную. Открыл кран, подставил руку под холодную воду. Боль немного утихла, но не прошла. Он посмотрел в зеркало. Из зеркала на него смотрел мужик лет сорока, с мешками под глазами, нестриженой бородой и лицом, похожим на асфальт после зимы. Глеб устало улыбнулся своему отражению.

— Ну чё, Глебыч, — сказал он. — Попал ты.

Он вытер руку полотенцем, вернулся на кухню, сел обратно за стол. Достал из кармана записку Палыча, перечитал.

«Не ищи меня. Не ходи в ДЭУ. Не лезь в ямы.»

— А куда мне идти, Палыч? — спросил он вслух. — Куда мне ходить, если я всю жизнь только и делал, что лез в ямы?

Он скомкал записку, бросил в мусорное ведро. Потом передумал, достал, разгладил, положил на стол.

— Нет, — сказал он. — Так не пойдет.

Он встал, пошел в комнату, открыл шкаф. На верхней полке, за стопкой старых одеял, стояла коробка. Глеб достал её, поставил на стол, открыл.

Внутри лежали инструменты. Не обычные — дорожные, но странные. Маленький молоток с рукояткой из кости. Зубило, на лезвии которого были выгравированы руны. Короткий ломик, обмотанный медной проволокой. И маленький, плоский камень с отверстием посередине — «глаз», как его называл Палыч. Через него можно было видеть швы.

Глеб взял «глаз», приложил к глазу.

Комната изменилась. Стены стали прозрачными, и сквозь них он увидел город. Но не обычный — а тот, что под ним. Сеть белых и желтых линий, уходящих вдаль, пересекающихся, расходящихся. Руны. Защита. И везде, где линии были ровными, всё было спокойно. Но в некоторых местах… в некоторых местах линии рвались. И из разрывов тянулось что-то темное, холодное, голодное.

Глеб убрал «глаз». Комната снова стала обычной.

— Ладно, — сказал он. — Понял.

Он достал из шкафа спецовку, натянул её. Потом ботинки, куртку, шапку. В карман сунул «глаз», молоток, зубило. Записку Палыча — в нагрудный карман.

Он вышел из квартиры, закрыл дверь на два замка. Спустился по лестнице, вышел во двор. Бабушка Зина всё еще кормила голубей. Она подняла голову, посмотрела на него.

— Глебыч, — сказала она. — Ты чё такой бледный? Не болен ли?

— Нормально, Зинаида Петровна, — ответил Глеб. — Просто не выспался.

— Ты бы к врачу сходил, — посоветовала она. — А то всё работаешь, работаешь. Здоровье не железное.

— Знаю, — Глеб усмехнулся. — Спасибо.

Он пошел к остановке. Ему нужно было в ДЭУ. Палыч сказал не ходить. Но Глеб знал — если он не пойдет, будет только хуже. Ямы не ждут. Швы не ждут. И то, что живет под асфальтом, тоже не ждет.

Он сел в автобус, занял место у окна. Автобус тронулся, поехал по городу. Глеб смотрел в окно, но видел не дома, не магазины, не людей. Он видел линии. Белые, желтые, красные. Они пересекались, расходились, сходились. И везде, где они были ровными, город жил своей обычной жизнью. Но в некоторых местах… в некоторых местах линии рвались. И Глеб знал, что ему придется их чинить. Снова. И снова. И снова.

Пока он не провалится в одну из этих ям сам.

Или пока не закроет их все.

Автобус подъехал к остановке «ДЭУ-13». Глеб встал, вышел. Дверь захлопнулась за его спиной, и автобус поехал дальше.

Глеб посмотрел на здание ДЭУ. Серое, трехэтажное, с облезшей краской и выбитыми окнами. Оно выглядело так, будто вот-вот развалится. Но Глеб знал — оно стоит. Как и всё в этом городе. Стоит, потому что кто-то его держит.

Он пошел к входу. И тут его телефон завибрировал.

Глеб достал его из кармана, посмотрел на экран. Звонил Саныч.

— Алло, — сказал Глеб.

— Глеб Петрович, — голос Саныча был тихим, напряженным. — Ты где?

— Иду в ДЭУ. А чё?

— Не ходи, — сказал Саныч. — Тут… тут полиция. И скорая. Палыча нашли.

Глеб остановился.

— Мертвого? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Да, — Саныч помолчал. — Глеб Петрович… он весь в асфальте. Внутри.

Глеб закрыл глаза.

— Я знаю, — сказал он. — Я сейчас буду.

Он положил трубку, посмотрел на здание ДЭУ. Потом на свою руку. Ожог пульсировал, как маленькое сердце.

— Ладно, Палыч, — тихо сказал Глеб. — Понял тебя.

Он сунул телефон в карман и пошел к входу.

Дверь скрипнула, и он шагнул внутрь.

В коридоре было темно. Только в конце, у двери в диспетчерскую, горел свет. И стояли люди. Полицейские. Медики. И Саныч, бледный, с дрожащими руками.

Глеб подошел к нему.

— Чё там? — спросил он.

Саныч посмотрел на него. В его глазах была такая усталость, что Глебу стало тошно.

— Пойдем, — сказал Саныч. — Сам увидишь.

Они пошли к диспетчерской. Полицейские расступились, пропуская их. Глеб шагнул внутрь.

Палыч сидел за столом. Голова опущена, руки лежат на столе. Он выглядел так, будто просто уснул. Но Глеб видел — он не спит.

Потому что Палыч был сделан из асфальта.

Его кожа, его одежда, его волосы — всё было черным, глянцевым, как свежий асфальт. Только лицо… лицо было видно. Застывшее, с открытыми глазами, в которых застыл ужас.

Глеб подошел ближе. Посмотрел на лицо Палыча. И вдруг увидел — в его глазах, в самых глубинах, что-то шевелилось. Что-то темное, холодное, голодное.

— Сука, — тихо сказал Глеб. — Сука ты, Палыч.

Он повернулся, вышел из диспетчерской. Полицейские смотрели на него, но он их не замечал. Он прошел мимо Саныча, мимо всех, вышел на улицу.

Солнце уже село. Город горел огнями. Машины ехали по дорогам, люди ходили по тротуарам. Все жили своей обычной жизнью.

А Глеб стоял на крыльце ДЭУ и смотрел на дорогу. На белые линии разметки. На желтые полосы. На красные стоп-линии.

И видел, как они рвутся. Одна за другой. По всему городу.

— Ладно, — сказал он. — Попытаемся.

Он достал из кармана «глаз», приложил к глазу.

Город изменился. И Глеб увидел — под асфальтом, под бетоном, под землей, что-то проснулось. Что-то большое. Что-то голодное.

И оно шло к поверхности.

Глеб убрал «глаз». Город снова стал обычным.

— Ну чё ж, — сказал он. — Пошли.

Он спустился с крыльца, пошел к остановке. Ему нужно было на место. На объездную. Туда, где исчез «Мерседес». Туда, где начался разрыв.

Потому что Глеб знал — если он не закроет его сейчас, будет поздно.

Очень поздно.

Глава 3. Следы на асфальте

Полиция уехала через час. Скорая — еще через двадцать минут. Тело Палыча увезли в черном мешке, который на поверку оказался не таким уж черным — дешевая синтетика, на свету отливающая серым. Глеб смотрел, как санитары заталкивали мешок в узкую дверь

скорой, и думал о том, что Палыч всегда говорил: «Хороните меня в дубовом гробу. И чтобы крышка была тяжелой. Я не люблю, когда меня торопят».

Теперь его увозили в синтетическом мешке, на дешевых носилках с колесиками, которые скрипели на поворотах. И Глеб знал — Палычу бы это не понравилось.

Саныч стоял рядом, курил. Дым от его сигареты поднимался вверх ровной серой струей — ветра не было. Ноябрьская ночь стояла тихая, обманчиво спокойная. Где-то вдалеке выла сирена — наверное, опять кто-то не поделил перекресток. Обычная жизнь.

— Поехал, — сказал Саныч, когда скорая тронулась. — Сопровождающие поехали с ним. Остальные — в участок, показания давать.

— А я? — спросил Глеб.

Саныч посмотрел на него. В свете уличного фонаря его лицо казалось еще более старым, чем обычно. Морщины глубже, тени резче.

— А ты что? — он затянулся, красная точка сигареты ярко вспыхнула. — Ты прораб. Тебе базу закрывать. И смену принимать завтра.

— Саныч, — Глеб понизил голос. — Ты же видел.

— Чё я видел? — старик выпустил дым в сторону. — Инфаркт. Врачи сказали. В его возрасте — неудивительно. Сердце не казенное.

— Его грудь, — Глеб показал на себя. — Она же…

— Я ничего не видел, — перебил Саныч. И посмотрел на Глеба так, что тот замолчал. Это был взгляд не старого дорожного рабочего. Это был взгляд человека, который видел слишком много, и устал видеть еще. — Слышишь, Глебыч? Инфаркт. Всё.

Глеб кивнул. Понял.

— Ладно. Я базу закрою.

— А ты… — Саныч помолчал, бросил окурок под ногу, раздавил. — Ты домой иди. Отоспись. Завтра… завтра будет тяжело.

— Знаю.

Саныч хлопнул его по плечу — коротко, по-мужски — и пошел к своему «Жигуленку», припаркованному у забора ДЭУ. Машина чихнула, закашлялась, потом завелась с пол-оборота. Старик сел за руль, махнул Глебу через грязное стекло и уехал, растворившись в ночном потоке машин.

Глеб остался один.

Он постоял немного на крыльце, посмотрел, как гаснут в окнах ДЭУ света — это вахтер, тетка Клава, выключала освещение в коридорах. Потом зашел внутрь, закрыл за собой тяжелую железную дверь на два оборота. Щелкнул замок.

В коридоре было темно. Только аварийная лампочка над дверью в диспетчерскую горела тусклым желтым светом. Глеб прошел по коридору, наступая на линолеум, который скрипел под ногами, как старый паркет. Пахло хлоркой, махоркой и чем-то еще — сладковатым, медным. Тем самым запахом, который Глеб почувствовал у ямы на объездной.

Он остановился. Понюхал воздух.

Запах был. Слабый, но ощутимый. Он шел из диспетчерской.

Глеб толкнул дверь. Она открылась с тихим скрипом.

Диспетчерская выглядела так, как будто из нее только что ушли. На столе — недопитый чай в граненом стакане, рядом — пачка сигарет «Беломорканал» и зажигалка. Старый телефон с диском, куча бумаг, журнал смен. На стене — карта города, исписанная пометками, стрелками, кружками. И календарь с фотографией какого-то водопада. Всё как всегда.

Но запах был сильнее.

Глеб прошел вглубь комнаты. Посмотрел на пол. И увидел.

На полу, там, где стояло кресло Палыча, было пятно. Не крови. Не воды. Асфальта. Маленькое, размером с блюдце, черное, глянцевое. Оно уже застыло, но края еще были мягкими, липкими. От него тянуло тем самым холодом.

Глеб присел на корточки, протянул руку — и отдернул. Холод был таким, что пальцы сразу начали неметь. Он достал из кармана «глаз» — камень с дыркой — приложил к правому глазу.

Пятно изменилось. Оно перестало быть просто пятном. Через «глаз» Глеб увидел, что это — отпечаток. Как будто что-то большое и тяжелое давило на это место сверху. И это «что-то» оставило после себя не просто материальный след, а магический. След разрыва. След того, что проходило сквозь ткань реальности.

— Сука, — прошептал Глеб. — Что ты делал, Палыч?

Он встал, подошел к столу. Посмотрел на бумаги. Обычная документация — наряды на работу, акты приемки, счета за битум. Но под ними, в нижнем ящике стола, который был закрыт на ключ, Глеб почувствовал что-то странное. Ящик был теплый.

Он достал из кармана бронзовый ключ Палыча — тот самый, который пришел вместе с цилиндром и запиской. Вставил в замочную скважину. Повернул.

Щелчок.

Ящик открылся.

Внутри не было денег, не было документов. Там лежала карта. Большая, подробная карта города, сложенная вчетверо. Глеб достал её, развернул на столе, придавив углами — пепельницей, стаканом, зажигалкой.

Карта была испещрена пометками. Красным фломастером были обведены определенные перекрестки, развязки, участки дорог. Желтым — отмечены какие-то объекты: трансформаторные будки, люки, колодцы. Синим — нарисованы стрелки, соединяющие точки между собой. И везде, где красный кружок пересекался с синей стрелкой, Палыч поставил крестик.

Глеб приложил «глаз» к карте.

Карта ожила.

Красные кружки засветились. Желтые точки начали пульсировать. Синие стрелки загорелись ровным, холодным светом. И Глеб увидел — это не просто карта города. Это — схема. Схема защитных контуров. Белые линии разметки, желтые полосы, красные стоп-линии — всё это было не просто дорожной разметкой. Это была гигантская руна, накрывающая весь город. И Палыч отметил на ней все слабые места. Все точки, где защита истончалась. Все швы, которые начинали расходиться.

А крестики… крестики стояли там, где швы уже порвались.

Глеб посчитал их. Семь.

Семь мест в городе, где защита была прорвана. И одно из них — объездная на Северо-Западе. Та самая, где он заделывал яму. Та самая, где исчез «Мерседес».

— Семь, — прошептал Глеб. — Семь дыр. И это только начало.

Он посмотрел на карту внимательнее. И заметил — синие стрелки, соединяющие красные кружки, были не случайны. Они образовывали фигуру. Огромную, на весь город. Фигуру, которая начиналась на севере, огибала центр, спускалась на юг, и снова поднималась на восток.

Руна.

Но не защитная.

Глеб видел такие раньше. Палыч показывал ему старые книги, когда Глеб только начинал учиться. Это была инвертированная руна. Руна не для защиты. Руна для открытия.

— Что ты нашел, Палыч? — Глеб провел рукой по лицу. — Что ты раскопал?

Он снова посмотрел на карту. И заметил — в самом центре фигуры, там, где сходились все синие стрелки, был нарисован еще один символ. Не кружок. Не крестик. А звезда. Пятиконечная, с неровными лучами. И под ней — дата.

Сегодняшняя.

Глеб отшатнулся от стола. Посмотрел на календарь на стене. Первое ноября. Воскресенье. Сегодня.

— Сегодня, — прошептал он. — Сегодня ночью.

Он посмотрел на часы. Два часа тридцать две минуты ночи. До рассвета — еще часа четыре. И за это время…

Глеб не договорил. Он схватил карту, сложил её, сунул в внутренний карман куртки. Потом быстро осмотрел диспетчерскую еще раз. Ничего больше интересного не нашел — только запах асфальта становился всё сильнее.

Он вышел из диспетчерской, закрыл за собой дверь. Прошел по коридору, к выходу. Уже собрался уйти, но остановился.

Посмотрел на пол.

На полу, рядом с дверью в диспетчерскую, был еще один отпечаток. Маленький. Но не асфальтовый. А… обувной. След ботинка. Размера сорок третьего. С характерным протектором — «елочкой». Такие подошвы бывают на дорогих импортных ботинках. На тех, которые не носят дорожные рабочие.

Глеб присел, посмотрел внимательно. След был свежий. Он был сделан не асфальтом. Он был сделан чем-то другим — чем-то липким, темным, но не черным. Коричневым. С красноватым отливом.

Глеб провел пальцем по следу — и отдернул руку. Палец щипало. Как будто он коснулся кислоты.

— Чё за хрень? — он посмотрел на палец. Кожа на подушечке покраснела, вздулась маленьким волдырем. Ожог.

Он встал, посмотрел на след еще раз. Этот след был не от Палыча. Палыч носил простые рабочие ботинки, с толстой резиновой подошвой. Этот след — от кого-то другого. От кого-то, кто был здесь после Палыча. Или — во время.

Кто-то был в диспетчерской. Кто-то смотрел на карту. Кто-то знал, что делает Палыч.

И этот кто-то — не друг.

Глеб достал телефон, сфотографировал след. Потом — карту, через «глаз». Сохранил. Сунул телефон в карман.

— Ладно, — сказал он вслух. — Понял.

Он вышел на улицу. Ночь была все такой же тихой. Но теперь Глеб слышал в этой тишине что-то другое. Не спокойствие. А затаенное дыхание. Как будто город затаил дыхание перед чем-то большим.

Он пошел к остановке. Но не поехал домой. Он поехал на объездную. Туда, где исчез «Мерседес».

Объездная ночью была пустой. Только редкие фуры проносились мимо, сотрясая землю, их фары выхватывали из темноты куски разбитого асфальта. Глеб стоял у того самого места, где они работали несколько часов назад.

Заплатка была на месте. Черная, глянцевая, ровная. Вар держал.

Но Глеб видел — что-то не так.

Он достал «глаз», приложил к глазу.

Заплатка светилась. Тускло, слабо, но светилась. Вар работал. Шов держал. Но вокруг… вокруг было плохо. Белая линия разметки, которая должна была проходить через заплатку, была не просто порвана. Она была РАЗРЕЗАНА.

Ровно. Аккуратно. По линейке.

Глеб присел на корточки, посмотрел ближе. Разрез был сделан не инструментом. Не ножом. Не бензорезом. Он был сделан магией. И магией сильной. Такой, какую Глеб не видел никогда.

— Кто ты? — прошептал он. — Кто ты такой, что можешь резать швы, как масло?

Он провел рукой над разрезом. Холод. Тот самый. Но теперь он был другим. Не холодом прорыва. А холодом следа. Как будто кто-то прошел здесь недавно. Очень недавно.

Глеб встал, посмотрел по сторонам. Пусто. Только фуры проносятся мимо. Только ветер гудит в проводах.

Он достал телефон, включил фонарик. Посветил на асфальт вокруг заплатки. И увидел.

Следы.

Не обувные. А… колесные. Следы колес. Но не от машины. От чего-то другого. Узкие, глубокие, с странным рисунком протектора — спиральным. Как будто кто-то ехал здесь на чем-то, что не должно ездить по асфальту.

Следы шли от края дороги, к заплатке, огибали её, и уходили обратно, в сторону города.

Глеб пошел по следам. Они вели вдоль обочины, по траве, потом снова выходили на асфальт. И исчезали на перекрестке с какой-то безымянной дорогой.

— Куда ты поехал? — Глеб посмотрел в сторону города. — Кто ты?

Он достал карту, развернул. Посмотрел на место, где стоял. Потом на следы. Потом на карту снова.

И понял.

Следы вели не куда-нибудь. Они вели к следующему красному кружку на карте. К следующей точке, где шов был прорван.

Кто-то ездил по городу. Кто-то проверял точки. Кто-то готовился.

Глеб свернул карту, сунул в карман. Посмотрел на часы. Три часа сорок семь минут. До рассвета — меньше трех часов.

— Ладно, — сказал он. — Понял.

Он пошел к остановке. Ему нужно было домой. Нужно было поспать хотя бы пару часов. А потом…

Потом он пойдет по следам. Он найдет того, кто режет швы. И он заставит его всё объяснить.

Или убьет его.

Глеб не знал, что выберет. Но знал одно — он не отступит. Потому что Палыч умер. Потому что город в опасности. Потому что он — прораб. И его работа — чинить швы.

А тот, кто их режет — не уйдет.

Никуда.

Автобус подъехал. Глеб сел, занял место у окна. Автобус тронулся, поехал по ночному городу. Глеб смотрел в окно, но видел не дома, не магазины, не людей. Он видел линии. Белые, желтые, красные. И везде, где они были ровными, город жил своей обычной жизнью.

Но в некоторых местах… в некоторых местах линии рвались.

И Глеб знал — завтра будет еще хуже.

Потому что тот, кто режет швы, не остановится.

Пока не откроет все семь дверей.

Или пока Глеб его не остановит.

Глава 4. Инспектор

Утро на объездной было серым и холодным. Небо висело низко, как грязное одеяло, и моросил мелкий дождь — не тот, что мокрит, а тот, что пробирает до костей. Глеб стоял у обочины, завернувшись в куртку, и смотрел на дорогу.

Прошло шесть часов с тех пор, как он уехал отсюда ночью. Шесть часов, за которые он почти не спал. Лежал на кровати, глядя в потолок, и думал о Палыче. О карте. О семи прорванных швах. О том, кто-то режет защиту города, как ткань ножницами.

Сейчас он был здесь снова. На том самом месте, где исчез «Мерседес».

Заплатка, которую он поставил ночью, была на месте. Черная, глянцевая, ровная. Но Глеб видел — что-то изменилось. Он достал «глаз» из кармана, незаметно приложил к глазу.

Заплатка светилась тускло. Вар работал, но слабее, чем должен был. А белая линия разметки, которая проходила через неё, была не просто разрезана. Она была РАЗЪЕДЕНА. Края разреза почернели, и от них тянулось что-то вроде ржавчины. Магическая ржавчина. Разрушение.

— Сука, — прошептал Глеб. — Быстрее, чем я думал.

Он убрал «глаз», посмотрел по сторонам. Пусто. Только фуры проносились мимо, только ветер гудел в проводах. И только вдалеке, у поворота, стояла машина. Не грузовик. Не легковая. А патрульный автомобиль ГИБДД. Синий, с мигалкой на крыше.

Глеб нахмурился.

Он знал, что сюда должны были приехать. Место исчезновения машины — это ЧП. Должны быть полицейские, следователи, может, даже МЧС. Но патрулька ГИБДД — это странно. Обычно они занимаются авариями, а не исчезновениями.

Он пошел к машине. Шаги по мокрому асфальту звучали глухо. Дождь усиливался, капли били по куртке, по лицу, по рукам. Холодно.

У машины стояла женщина.

Она была в форме инспектора ГИБДД — темная куртка с светоотражающими полосами, фуражка, в руках — планшет. Молодая, лет тридцать, не больше. Волосы темные, собраны в хвост под фуражкой. Лицо сосредоточенное, внимательное. Она что-то писала на планшете, время от времени поднимая голову и оглядываясь по сторонам.

Глеб подошел ближе.

— Добрый день, — сказал он. — Инспектор?

Женщина подняла голову. Посмотрела на него. Взгляд был цепкий, оценивающий. Она быстро окинула взглядом его спецовку, грязные ботинки, нестриженую бороду.

— Добрый, — ответила она. — Вы кто?

— Глеб Петрович. Прораб ДЭУ-13. Мы тут вчера работали. Яму заделывали.

— А, — кивнула она. — Да, я в курсе. Я инспектор Яна Викторовна Савельева. Расследую происшествие с исчезновением автомобиля.

— Исчезновением, — повторил Глеб. — Звучит красиво.

Яна усмехнулась. Коротко, без веселья.

— Вы что-то знаете об этом? — спросила она.

— Только то, что видели мои ребята. Машина ехала, потом — следы торможения, и всё. Ни машины, ни водителя.

— Да, — Яна посмотрела на дорогу. — Именно так. Только есть нюансы.

Она повернула планшет к нему. На экране была фотография — следы торможения на асфальте. Черные полосы, уходящие от края дороги к тому самому месту, где Глеб ставил заплатку.

— Видите? — Яна ткнула пальцем в экран. — Следы идут прямо к месту дорожных работ. И обрываются. Резко. Как будто машина не просто остановилась, а исчезла в воздухе.

Глеб посмотрел на фото. Он видел эти следы ночью. Видел, как они обрываются прямо у заплатки.

— Может, водитель ушел пешком? — сказал он. — Или его подобрали.

— Мы проверяли, — Яна покачала головой. — Следов нет. Ни пешеходных, ни автомобильных, кроме его собственных. И еще одно.

Она свайпнула экран, показала другое фото. Крупный план асфальта. На нем — отпечаток. Не след шины. А что-то другое. Как будто кто-то прижал к асфальту что-то горячее и тяжелое. Круглое, с неровными краями.

— Это что? — спросил Глеб, хотя уже знал ответ.

— Не знаю, — Яна посмотрела на него внимательно. — Но это не след от машины. И не след от дорожного оборудования. Это что-то другое. И оно горячее. Асфальт вокруг оплавлен.

Глеб молчал. Он знал, что это. Это был след от варочного котла. От вара. Кто-то использовал магический вар здесь. И не для того, чтобы чинить швы. А для того, чтобы их разрушать.

— Вы что-то скрываете, — сказала Яна.

Глеб поднял брови.

— Я?

— Да, — она не отводила взгляд. — Вы прораб. Вы работали здесь вчера ночью. Вы видите следы, видите заплатку, видите отпечаток. И вы не удивлены. Совсем. Обычный человек на вашем месте задавал бы вопросы. А вы молчите.

Глеб посмотрел на неё. Внимательно.

Она была умная. Слишком умная для обычного инспектора ГИБДД. Она видела то, что другие не замечали. Она замечала детали. И она не боялась задавать вопросы.

— Инспектор, — сказал Глеб медленно. — А вы что думаете? Что произошло?

Яна помолчала. Потом вздохнула.

— Я думаю, — сказала она, — что здесь произошло что-то, что не вписывается в обычные объяснения. Следы обрываются. Машин нет. Водителя нет. Асфальт оплавлен в местах, где не должно быть горячего оборудования. И еще одно.

Она достала из кармана куртки маленький блокнот, открыла его.

— За последние два месяца в городе произошло семь исчезновений автомобилей. Все — ночью. Все — на дорогах, где проводились ремонтные работы. И везде — такие же следы. Обрываются резко. Ни машин, ни водителей.

Глеб почувствовал, как холод пробирает его. Не от дождя. От другого.

— Семь, — повторил он.

— Да, — Яна закрыла блокнот. — Семь. И все — на участках, где работало ДЭУ-13.

Она посмотрела на него. В её глазах был вопрос. И вызов.

— Глеб Петрович, — сказала она. — Что вы знаете об этом?

Глеб молчал. Он смотрел на неё, и в голове крутились мысли. Она слишком близко подошла. Она видела связь. Она видела паттерн. И если он не остановит её, она пойдет дальше. Она найдет карту Палыча. Она найдет вар. Она найдет всё.

И тогда она станет следующей.

— Инспектор, — сказал он наконец. — Я знаю только то, что мы латаем ямы. Это наша работа. А что происходит с машинами — это не наша компетенция.

— Но вы не удивлены, — повторила Яна.

— Я устал, — Глеб показал на свои руки. — Я работаю ночами. Я вижу всякое. Ямы, трещины, провалы. Я привык, что дороги — это не просто асфальт. Это живая штука. Она дышит. Она трескается. Она…

Он не договорил.

Яна смотрела на него. Внимательно. И вдруг сказала:

— Вы видите что-то, чего не видят другие.

Глеб замер.

— Что?

— Я видела это в ваших глазах, — Яна сделала шаг ближе. — Когда вы смотрели на заплатку. Вы смотрели не так, как обычный человек. Вы смотрели как будто… сквозь неё. Как будто видели что-то другое.

Глеб сжал кулаки. Она видела. Она видела, как он использовал «глаз».

— Инспектор, — сказал он тихо. — Вам кажется.

— Может быть, — Яна не отступала. — А может, и нет. Глеб Петрович, я не дура. Я вижу, что здесь что-то не так. И я найду ответы. С вашей помощью или без неё.

Она повернулась, пошла к машине. Открыла дверь, села за руль.

— Я буду здесь до вечера, — сказала она через открытое окно. — Если вспомните что-то важное — приходите.

Дверь захлопнулась. Машина тронулась, отъехала на обочину, остановилась. Яна осталась сидеть внутри, глядя на дорогу.

Глеб стоял на месте. Дождь бил по лицу, по куртке, по рукам. Холодно.

— Сука, — прошептал он. — Сука.

Он посмотрел на машину. Яна не уехала. Она осталась. Она будет следить. Она будет искать.

И она найдет.

Если он не остановит её.

Глеб достал телефон, набрал номер Саныча.

— Алло, — голос старика был хриплым.

— Саныч, — Глеб понизил голос. — Тут инспектор одна. Яна. Она расследует исчезновения. И она что-то видит.

— Что видит?

— Всё. Она видела, как я смотрел на заплатку через «глаз». Она знает про семь исчезновений. Она связала их с ДЭУ.

Саныч помолчал.

— Плохо, — сказал он наконец. — Очень плохо.

— Что делать?

— Следи за ней. Не давай ей лезть туда, где не надо. Но и не пугай. Если она умная — она сама остановится.

— А если нет?

— Тогда… — Саныч вздохнул. — Тогда придется решать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.